

Русские и литовские фразеологизмы с компонентом *береза* / *beržas*: лингвокультурологический и этнолингвистический аспекты

Елена Коницкая

Вильнюсский университет, Литва
Email: jelena.konickaja@ff.vu.lt
ORCID iD: <https://orcid.org/0000-0003-2402-7278>

Аннотация. Статья посвящена проблеме разграничения двух типов анализа: лингвокультурологического и этнолингвистического на примере контрастного исследования русских и литовских фразеологизмов с компонентом-дендронимом рус. *береза* / лит. *beržas*. Лингвокультурологический анализ выявил различия в культурно-национальных коннотациях: в русской лингвокультуре *береза* в основном воспринимается как светлое, позитивное дерево, символизирующее родину, молодость, красоту, здоровье, девичество, в литовской *beržas* символизирует родину, молодость, парня, но часто имеет негативные коннотации, включаясь в ФЕ со значением старости, бедности, вреда. Наряду с этим, и в русской, и в литовской лингвокультуре *береза* / *beržas* входит во ФЕ, передающие и иные, противоположные смыслы. Этнолингвистический аспект выявил глубинную общность древних представлений, по-разному отраженных во фразеологии: связь с идеей рода, смертью, хтоническим миром, представления о защитных функциях дерева и др.

Ключевые слова: лингвокультурология, этнолингвистика, фразеология, русский язык, литовский язык, языковая картина мира

Russian and Lithuanian Phraseological Units with Component *береза* / *beržas*: Linguocultural and Ethnolinguistic Aspects

Summary. The present article deals with the problem of distinguishing between two types of analysis – linguocultural and ethnolinguistic, which can be cleared up by a contrastive study of Russian and Lithuanian phraseological units containing the name of a tree Russ. *berjoza* ‘birch’ (Lithuan. *beržas*). This linguocultural analysis emphasized considerable differences in the cultural and symbolic meanings of Russ. *berjoza* ‘birch’ and Lithuan. *beržas*. In the Russian linguistic picture of the world, a birch is generally seen as a light, positive tree associated with youth and beauty that is endowed with many positive qualities, while in the Lithuanian linguistic picture of the world, *beržas* is a useless tree. The opposite features are also noted in both Russian *berjoza* and Lithuanian *beržas*. The ethnolinguistic aspect analyzed according to some of the more important parameters showed that the characteristics of the tree reflected in phraseology are often rooted in ancient concepts which are largely common to both

Received: 15.12.2021. Accepted: 25.12.2021.

Copyright © 2021 Елена Коницкая. Published by Vilnius University Press. This is an Open Access article distributed under the terms of the Creative Commons Attribution Licence, which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original author and source are credited.

peoples. The ethnolinguistic study that referred to the ancient ideas of the two ethnic groups reveals not only their differences, but also their strong similarity (the connection of the tree with the idea of the generations, death, with the chthonic world, and protective functions of a tree, etc.).

Keywords: cultural linguistics, ethnolinguistics, phraseology, Russian language, Lithuanian language, linguistic picture of the world

Rusų ir lietuvių frazeologizmai su komponentu *bepeza / beržas*: lingvokultūrologinis ir etnolingvistinis aspektai

Santrauka. Straipsnis skiriamas lingvokultūrologinio ir etnolingvistinio tyrimo tipų atskyrimo problemai, remiantis rusų ir lietuvių frazeologizmų su komponentu-dendronimu rus. *беpeза / liet. beržas* gretinimu. Lingvokultūrinis tyrimas atskleidė rusų kultūrinės ir tautinės konotacijos skirtumus. Rusų lingvokultūroje *beržas* paprastai simbolizuoja Rusiją, jaunystę, grožį, sveikatą, o lietuvių lingvokultūroje *beržas*, simbolizuojantis tėviškę, jauna vyrą, dažnai turi neigiamų konotacijų, perteikia neigiamas savybes – senatvę, skurdą, žalą. Tačiau tiek rusų, tiek lietuvių kalbose šio medžio pavadinimas yra įtrauktas į frazeologinius vienetų, perteikiančius kitas, priešingas reikšmes ir kultūrinės sąvokas. Etnolingvistinis aspektas atskleidė gilų senovės idėjų bendrumą, įvairiai atspindintį frazeologijoje: ryšys su genties idėja, mirtimi, chtonišku pasauliu, apsauginėmis medžio funkcijomis ir kt.

Reikšminiai žodžiai: lingvokultūrologija, etnolingvistika, frazeologija, rusų kalba, lietuvių kalba, pasaulio vaizdas kalboje

Введение

В последние десятилетия заметно расширились аспекты изучения фразеологии, что вызвано развитием лингвокультурологии и этнолингвистики. Обращаясь к одному и тому же объекту — фразеологическим единицам (далее ФЕ), данные области науки решают различные задачи. Между тем в исследованиях введение любых данных, относящихся к функционированию ФЕ или же носящих историко-культурный характер, трактуется зачастую либо как лингвокультурологическое, либо как этнолингвистическое. Для дифференциации этих двух подходов следует вернуться к основным положениям лингвокультурологии и этнолингвистики.

Исследователи едины в определении лингвокультурологии как области знаний об отражении в языке национально-культурного самосознания: «В центре интересов лингвокультурологии — исследование и описание взаимодействия языка и культуры в диапазоне современного культурно-национального самосознания и его знаковой презентации [Телля 1999, 16]; «Лингвокультурология — это аспект языкознания, изучающий проблему отражения национальной культуры в языке» [Воробьев 2008]; «лингвокультурология — дисциплина, изучающая проявление, отражение и фиксацию культуры в языке и дискурсе. Она непосредственно связана с изучением национальной картины мира, языкового сознания, особенностей ментально-лингвального комплекса» [Красных 2002, 12].

Цель лингвокультурологии — «изучение и описание взаимоотношений языка и культуры, языка и этноса, языка и народного менталите-

та» [Телия 1996, 216]; «изучение способов, которыми язык воплощает в своих единицах, хранит и транслирует культуру» [Маслова 2001, 30]; выявление «с помощью и на основе языковых данных базовых оппозиций культуры, закрепленных в языке и проявляющихся в дискурсе; отраженных в зеркале языка и в нем зафиксированных представлений об окультуренных человеком сферах: пространственной, временной, деятельности и т. д., проступающих сквозь призму языка древнейших представлений, соотносимых с культурными архетипами» [Красных 2002, 13].

Примечательно, что В. Н. Телия подчеркивает *синхронный* характер взаимодействия языка и культуры (см. выше); по мнению В. В. Воробьева, она «ориентируется на новую систему культурных ценностей, выдвинутых новым мышлением, современной жизнью общества» и отражает процесс взаимодействия культуры и языка «с ориентацией на современные приоритеты и культурные установления» [Воробьев 2008, 37]. Другие авторы отмечают, что «предметом исследования этой науки являются единицы языка, (...) которые обобщают результаты собственно человеческого сознания – архетипического и прототипического, зафиксированного в мифах, легендах, ритуалах, обрядах, фольклорных и религиозных дискурсах, поэтических художественных текстах, фразеологизмах и метафорах, символах и паремиях (половицах и поговорках) и т.д.» [Маслова 2001, 36].

Вопрос о связи лингвокультурологии с областью мифов, ритуалов, обрядов, «древнейших представлений, проступающих сквозь призму языка» [Красных 2002, 36] неочевиден: в современном языковом сознании память о мифах и ритуалах зачастую отражается в снятом, преобразованном виде или вовсе отсутствует. Проблема может решаться утверждением о наличии коннотаций в языковых единицах, содержащих «память о прошлом» [Быкова 2002]. Задача выявления связи данных современного языка со следами древних представлений решается отдельной областью знания — этнолингвистикой.

В одной из наиболее известных на сегодняшний день славянской этнолингвистической школе (Московской) цели, задачи, объект, методы этнолингвистики разработаны Н. И. Толстым, см., напр.: [Толстой 2013, 25]. Продолжая данную традицию, С. М. Толстая называет объект изучения этнолингвистики: «...не только язык, но и другие формы и субстанции, в которых выражает себя коллективное сознание, народный менталитет, сложившаяся в том или ином этносе “картина мира”, т. е. — вся народная культура, все ее виды, жанры и формы», ее предмет: «...содержательный план культуры, ее семантический (символический) язык, ее категории и механизмы», и цель — «семантическая реконструкция традиционной

(архаической, дохристианской, мифопоэтической в своей основе) картины мира, мировоззрения, системы ценностей» [Толстая; см. также Толстая 2013].

Итак, если лингвокультурология «исследует прежде всего живые коммуникативные процессы и связь используемых в них языковых выражений с синхронно действующим менталитетом народа» [Телия 1996, 218], то этнолингвистика направлена на воссоздание, реконструкцию категорий этнической культуры. Установление культурно-символического содержания языковых единиц как цели лингвокультурологического анализа или же соотнесение их с древними представлениями в рамках этнолингвистического анализа дают направление исследования, определяя его лингвокультурологический или этнолингвистический характер.

На материале русских и литовских ФЕ, содержащих компонент рус. *береза*/лит. *beržas* — дерева, важного в картине мира как русских, так и литовцев, была поставлена задача: продемонстрировать разницу между указанными двумя направлениями, путем а) установления некоторых лингвокультурных смыслов, транслируемых во ФЕ с компонентом *береза/beržas* и б) выявления в данных ФЕ отражения древних представлений русских и литовцев. Так как в рамках статьи сложно провести лингвокультурологическое и этнолингвистическое сопоставления в полном объеме, ограничимся выделением лишь некоторых, ключевых с нашей точки зрения, моментов.

В работе принято широкое понимание фразеологии [см.: Баранов, Добровольский 2008, 68]. Материал для исследования из фразеологических и толковых словарей, словарей сравнений, пословиц и поговорок двух языков (см. список источников и их сокращений в конце статьи) лег в основу корпуса русских и литовских ФЕ с компонентом, относящимся к одному и тому же явлению действительности: с существительными — дендронимами (рус. *береза*, *березка*; лит. *beržas*, *beržiukas*) и образованными от них прилагательными: рус. *березовый*, лит. *beržinis*. Использование структурного принципа отбора материала позволяет проводить анализ «снизу вверх», исходя из образной формы ФЕ. Привлекаются данные языковых корпусов, иллюстративные примеры из словарей, сведения из работ по лингвокультурологии и этнолингвистике и др.

1. Береза в русской и литовской фразеологии: лингвокультурологический аспект

В. Н. Телия, отмечая роль ФЕ в изучении лингвокультурной коннотации, в качестве источников культурно-значимой их интерпретации называет, в частности, паремии (прескрипции, отражающие стереотипы национального самосознания), а также образы-эталон в устойчивых сравнениях

[Телия 1998, 233, 242–243], причем «не все фразеологизмы обретают роль культурных знаков. ...необходимо соотношение со всей палитрой источников культурной интерпретации» [Телия 1999, 252]. А. Н. Баранов и Д. О. Добровольский [2008, 258] указывают на возможность двух пониманий национальной специфики фразеологизмов: сопоставительного и интроспективного, также обращая внимание на то, что не все межъязыковые различия культурно-значимы: таковыми считаются лишь «те явления, которые имеют соответствия в нескольких культурных кодах» [Там же, 258]. Поэтому в анализ включены лишь те ФЕ, которые квалифицируются как несущие национально-культурные смыслы, что подтверждается, в частности, активным употреблением в современных культурах, прежде всего, в вербальном (литературно-художественном) коде.

С точки зрения лингвокультуролога важно, что «культурно-языковое значение фразеологизма является не столько производным от того или иного события, образно описанного в языковом знаке, сколько порождением самой культуры, требованием запечатлеть ценностно значимые смыслы для их трансляции в виде экспрессивных знаков языка, всегда ярко и действенно выражающих оценочность и вызывающих эмоциональное отношение к происходящему» [Ковшова 2016, 98–99].

Фитонимы, актуализирующие предметные, духовные и ценностные смыслы, относятся к растительному коду культуры. В лингвокультурах образы растений — это метафоры различных человеческих свойств и качеств, средства оценки событий и фактов человеческой жизни. Являясь эффективным средством характеристики человека и жизненных ситуаций, ФЕ наделены оценочными коннотациями (мелиоративными, пейоративными или нейтральными).

1.1. Относящаяся к растительному коду *береза* не раз была предметом анализа в **русской лингвокультуре** [см., напр.: Сергеева 2012; Кхонг Тху Хиен 2019 и др.]. Береза — типичное дерево, растущее на всей территории России, реже встречаясь к юго-востоку. Не раз отмечалось, что *береза* символизирует Родину, Россию: «В самом широком смысле берёза — символ России» [ЛСР: *береза*]; «из всех многочисленных “пейзажных зарисовок” среднерусской природы до уровня универсального символа «большой родины» поднимается берёза» [Воркачев 2014, 56]. Символика дерева в русской лингвокультуре вызывает душевный отклик русского человека: *ни одна деревина так за душу не берет, как береза* (НКРЯ: А. Чапыгин). Береза сопровождает жизнь (русского) человека, обеспечивая многие его потребности, даже минимальные: *Клен да береза, чем не дрова ‘о скудной, небогатой жизни’* (МНП); хотя она не универсальна в обеспечении всем необходимым: *Березой обогреешься, а не оденешься* (МНП); *Крепка береза, да на ось не годится* (МНП). Многие

качества березы помогают человеку в повседневных заботах, поэтому *Береза где растет, там хорошая жизнь* (МНП). Эмоциональное восприятие радостного, светлого дерева отражено в пословице: *В сосновом лесу — молиться, в берёзовом — веселиться* (СРЯД), ср. определения одной из разновидностей дерева: *Березу белую зовут и веселкой* (СРЯД); *Веселка — это береза с мягким листом; По весне светелки распускаются, ими избу в праздник украшают* [Колосова 2015].

Рус. ФЕ с компонентом *береза* обычно обладают положительным оценочным значением. В сравнении *стройная, как берёзка. Одобр.* ‘об очень стройной, гибкой, грациозной молодой девушке’ (МНС) транслируются такие культурные смыслы, как молодость, чистота [Воробьева 2009, 22]. Качество *стройности*, присущее молодому, здоровому, имплицитно противопоставлено негативно воспринимаемой в лингвокультуре *кривизне* (ср. в ФЕ с пейоративным значением: *Кривая береза не удержит снега, плохой человек не сдержит слова*, с компонентом *кривая*; о негативных коннотациях слова *кривой* в русской лингвокультуре см. [Сяркина 2013, 131]).

В рус. ФЕ, описывающем чувствительную реакцию на внешние воздействия: *Сердце у кого, чье трепещет как березовый лист* Ирк. ‘О чем-то сильно волнении, радости, страхе и т. п.’ (МНС), транслируется не менее важный в русской лингвокультуре смысл — эмоциональная реакция как необходимое качество человека.

В ФЕ метафоризируются не только качества человека, но и жизненные ситуации. В сравнении *как береза в поле* (МНС) (ср. НКРЯ: *...бабы (...)* *спешно разбежались, а Варя осталась одна, как береза в поле* (НКРЯ: Максим Горький)) транслируется смысл — одиночество в неблагоприятных обстоятельствах. Примечательно указание на локус — *поле*, наделенное в русской культуре особыми смыслами [см.: ЛСР: *поле*].

Береза, обычный элемент русского пейзажа, становится также ориентиром во времени (ср. ФЕ *под голую берёзу* ‘до того времени, пока не распустятся почки берёзы’ (МНП)), более того, мерой жизни и смерти. Так, денотативная основа рус. ФЕ *лечь/положить под березки* ‘умереть; похоронить’ (МНП) — то, что на кладбищах часто сажают это дерево, но глубинные культурные смыслы ФЕ ассоциируют ее с вышеприведенной обобщенной символикой *березы* как *родины*: человек остается предан родной земле и в жизни, и в смерти. В ФЕ (*любить*) *до самой березки* ‘любить до самой смерти’ говорится о сильном чувстве любви; транслируемое положительное качество — преданность, верность, постоянство [см. также: Кхонг Тху Хиен 2019, 54].

Безусловные ценностные культурные смыслы — важность семьи, рода, наследования качеств — передают ФЕ с компонентом *береза*: *Ка-*

кова березка, такова и отростка (МНП); От березы ива не родится / не вырастет (МНП); Яблоко к подножию березы не упадет (МНП). ФЕ *береза ума дает* (СРЯД), *береза научит, задать березовой каши / накормить (угостить) березовой кашей* ‘наказать розгами’ (МНП) транслируют идею необходимости воспитания детей, ср.: «А вы забыли ту березовую кашу, которой вас в детстве потчевали за глупость и дерзость?» (НКРЯ: А. Куприн). Кхонг Тху Хиен видит в данных ФЕ «транслируемое отрицательное качество — жестокость» [2019, 58], с чем нельзя согласиться: связь с идеей питания выражена и во внутренней форме слова *воспитание*.

ФЕ *Бела береза, да деготь черен* (МНП) в образной форме передает, что плохое и хорошее может уживаться в человеке. *Белый и черный* в русской культуре — распространенное противопоставление элементов цветовой символики, в котором *белый* выступает как знак светлого, позитивного (*белая зависть*), *черный* — плохого, зловещего, мрачного (*черные мысли, черный день* и др.). Транслируется прескрипция: нельзя делать поспешных выводов, основываясь на положительном внешнем впечатлении.

Рус. *береза* и названия ее составных частей (пень, листва, ветви) входят в состав ФЕ с пейоративным оценочным значением, характеризующих глупость, глухоту, молчаливость, черствость: *как пень [березовый]*. Презр. О тупом, бесчувственном и черством человеке; *дурной как пень берёзовый* Кубан. Презр. или *пренебр.* То же, что *глуп как пень; как чурка [березовая] с глазами; молчать как пень березовый, глухой как пень берёзовый*. Кубан. Неодобр. ‘Об абсолютно глухом, непонятливом из-за глухоты человеке’ (примеры из МНС). Компонент *пень* в составе ФЕ входит в ряд ФЕ, транслирующих идею тупости, глупости (напр.: *глуп как пень*), подкрепляемую в данном случае знанием о твердости березовой древесины.

1.2. Не менее важна *berėza* (*beržas*) в литовской лингвокультуре¹: повсеместно растущее дерево, дающее человеку тепло, свет, используемое в народной медицине, для поэтов оно является символом родины-Литвы, дома, а порой и средством самоидентификации: так, известный литовский поэт П. Ширвис говорит о себе: *Aš beržas. Lietuviškas beržas* «Я береза. Литовская береза» (1997) (лит. *beržas* грамматически

¹ Исследований, посвященного лит. *beržas*, по нашим данным, нет. Некоторые лингвокультурологические сведения о нем приводятся в [Budvyditė-Gudienė, Tokeikienė 2011], где анализируется значимость связей концептов ДЕРЕВО — ЧЕЛОВЕК в литовском и немецком языках в разных аспектах (особенности тела, состояний, характера, области социальной жизни), а также в [Воробьева 2009], где сопоставляется образность русских и литовских устойчивых сравнений, пословиц, метафор, содержащих в своей структуре дендронимы.

мужского рода), дендроним включен в названия сборников его поэзии: *Ošia gimtinės beržai* (1956) «Шумят березы родины», *Beržai baltieji broliai* «Березы — белые братья» (1989) и др. *Beržas* — один из персонажей широко известной сказки *Эгле — королева ужей*: в него превращается младший из не предавших Эгле сыновей (ср. пример из литовского корпуса: *Juozaponio beržas — kaip trečias brolis, kuriam patikėdavai pačias didžiausias paslaptis* (LKT) «Береза Юозапониса — как третий брат, которому ты доверял самые большие тайны».

Различие в грамматической отнесенности рус. *береза* и лит. *beržas* во многом определяет разницу в лингвокультурных смыслах. В PL приводится сравнительный оборот *kaip beržai* «как березы», с иллюстрациями из песен: *Švytuoj kardeliai kai žaibai, ... virsta broleliai kaip beržai* «Блестят мечи как молнии, падают братцы как березы», *Byzgia kulkos kai bitės, griūna bernai kaip beržai* «Жужжат пули как пчелы, падают парни как березы». *Beržas* здесь символизирует молодого парня, что подтверждается указанной выше связью с литовским фольклором, а также с литовской поэзией, ср.: *dainuoja jaunas neklaužada beržas* (Г. Наглис) «поет молодой озорник — береза». Данный образ, однако, не представлен в поговорках и в собственно фразеологизмах. В содержащих компонент *beržas* ФЕ, напротив, часта пейоративная коннотация: *Apžėlęs kaip beržas kerpėm* «Обросший как берёза лишайником» 'о старом, неопрятном человеке' (LKŽ, FŽ); *Girgžda kaip išpuvęs beržas* «Скрипит как прогнившая берёза» 'о старом ворчливом человеке' (LKŽ, FŽ). Они транслируют аксиологическую антиценность — идею старости, неопрятности.

В лит. ФЕ — сравнениях с пейоративным оценочным значением, характеризующих бездарного, ленивого человека, также встречается компонент *beržas*: *Keži kaip paraistėj beržas* (FŽ) «Валяется как береза в болотистом лесу», *kaip ratunas beržas, vis ant vietos* (FŽ) «как берёза, всё на (одном) месте». Ворчливый старик определяется ФЕ *girgžda kaip beržas pakelėj paraistėj / prie kelio / kaip pasviręs beržas prie vieškelio* (FŽ) «скрипит как берёза на обочине / в болоте / у дороги / как согнутая береза у дороги». Отсутствие деловой активности, приводящее к бедности, приживальчеству, оценивается негативно: *jis visą gyvenimą skurdo (kežėjo) kaip beržas paraistėj* «он всю жизнь бедствовал как береза в болоте», *Keži ir jis dar kap paraistėj beržas prie savo žento* (FŽ) «Сидит и он еще, как в болоте береза, у своего зятя». Все перечисленные ФЕ транслируют прескриптивные культурные смыслы — необходимость трудиться, деятельно участвовать в жизни, эмоционально отзываясь на нее. Примечательна локализация дерева в литовских ФЕ — это *болото, обочина дороги*, то есть заброшенные, глухие, чужие пространства, в которых отсутствует движение.

Лит. ФЕ *kaip iš beržo (medžio) iškritęs* (LKŽ) «как с березы (дерева) упавший», характеризующий неумного человека (см. интерпретацию образа в [Budvydītė-Gudienė, Tokeikienė 2011 424]), имеет отрицательную коннотацию. Негативная оценка присутствует и в ФЕ *Sausas beržas – besulos* (LKŽ) «Сухая берёза – без березового сока» ‘о бесчувственном человеке’. Здесь в иной, чем в русском ФЕ, образной форме транслируется культурный смысл — ценность эмоциональной реакции человека на происходящее (путем отрицательной коннотации).

В литовской культуре, как и в русской, важна идея семьи, рода, транслируемая ФЕ с компонентом *beržas*: *Koksai beržas, toks ir kelmas, koksai tėvas, toks sūnus* (FŽ) «Какая берёза, такой и пень, какой отец, такой и сын», однако если рус. ФЕ опирается на образ растущего дерева и его отростков (будущего), то в лит. ФЕ называется *kelmas* ‘пень’ (прошлое). Идея воспитания транслируется лит. ФЕ о порке березовыми розгами, соотносимыми с рус. ФЕ, но в них могут называться и другие продукты: *Beržo košės duoti / gauti / paragauti* (FŽ) «Берёзовой каши дать/получить/попробовать»; *beržo kōšė (lapiėnė, medūs, taukai)* (LKŽ) «берёзовая каша (суп из листьев, ботвинья), мед, жир)».

Лит. ФЕ: *Po beržų nuvažiuoti, po beržiukais važiuoti* (FŽ) «Уехать под березы, ехать под березки» ‘умереть’, напр.: *Po beržiukais mums reikia jau važiuot* (LKŽ) «Под березки нам надо уже ехать», *Man reikė buvo senai nuvažiuoti po beržu* (LKŽ) «Мне надо было давно уехать под березы» соотносятся с рус. ФЕ с тем же значением, но если в русских используются глаголы *лежать, положить*, то в литовских — глаголы движения, что, очевидно, связано с идеей не смерти как неподвижного состояния, но как путешествия (в потусторонний мир).

Лит. ФЕ с компонентом *beržas* транслируют и иные смыслы, нежели в русской фразеологии. Так, лит. ФЕ *Kad qžuolas virs, ir beržas nekardysis* (LKŽ) «Когда дуб падает, и берёза не удержит» говорит о разнице в весе, авторитете людей в социуме: в литовской лингвокультуре *qžuolas* ‘дуб’ — символ сильного, стойкого, авторитетного человека [Budvytītė-Gudienė, Toleikienė 2011 422], а *beržas* — символ молодого парня. Широкое распространение этих символов в текстах литовской культуры обеспечивает трансляцию в ФЕ идеи неодинакового в силу опыта положения в социуме.

В лит. ФЕ с пейоративной оценкой: *Beržas daržą alina, kumelys — klėtį, o merga — namus* (LKŽ) «Берёза истощает огород, а девка — дом»; *Arklys gurbe, o beržas darže — zgūba namam* (LPP) «Конь в овине, а берёза в огороде — гибель для дома»; *Beržas ir kumelys namam zgūba* (FŽ) «Береза и жеребец — гибель для дома» транслируются смыслы, отсутствующие в русской лингвокультуре. Для земледельца-литовца *beržas* ‘береза’ в ого-

роде — неблагоприятное для хозяйства явление. *Береза* называется в одном ряду с *конем* или *жербецом* (которого редко запрягают, но кормят хорошим зерном) и *девушкой* (ей надо готовить приданое). Приведенные ФЕ транслируют ценность рачительности, присущей литовской культуре.

Приведенные данные свидетельствуют о различиях в двух лингвокультурах культурно-символического значения одного и того же дерева. В русской картине мира *береза* в основном воспринимается как светлое, позитивное дерево, транслирующее идеи родины, молодости, красоты, радости, преданности, семьи, рода, девичьей красоты, но ФЕ с компонентом *береза* могут транслировать и иные культурные смыслы (в частности, глупость). В литовской лингвокультуре с дендронимом связаны отчасти пересекающиеся идеи – родины, молодости, семьи, но, в отличие от русской культуры, *beržas* символизирует парня, а образ кривого, растущего в болоте или на обочине, сорного дерева в ФЕ транслирует культурные антиценности — лень, пассивность, бесполезность. Схожие по форме ФЕ в двух культурах могут быть связаны с разными культурными перспективами (ср. ФЕ о смерти, о семье), различаться также в формальном отношении.

2. Береза в русской и литовской фразеологии: этнолингвистический аспект

Этнолингвистический анализ ФЕ с опорой на фольклорные, этнографические данные способствует реконструкции древних представлений. Полный этнолингвистический анализ требует привлечения большого количества объемного материала, и в статье мы ограничимся наиболее показательными, на наш взгляд, аспектами, с привлечением свидетельств этнографов и этнолингвистов: 1) женское — мужское начало, идея продолжения рода, 2) смерть и хтонический мир, 3) порка как ритуальный обряд.

2.1. В русском языке принадлежность слова *береза* к женскому роду определяет ее принадлежность к кругу «женских» деревьев. «Во многих поверьях, обрядах и фольклорных текстах береза символизирует женское начало» [СД 1, 156], что свидетельствуется многими славянскими обрядами свадебного и похоронного циклов. Это объясняет и устойчивую связь березы с девушкой: «в восточнославянском песенном фольклоре береза — символ девушки» [Там же], ср. ФЕ *стройная как березка* и под. Береза — важнейший элемент русских сезонных обрядов, в частности, семицко-троицких, включавших обряд завивания березки с обычным участием в нем девушек (иногда молодых женщин): завивая березу, девушки «завечали» о своей судьбе и судьбе близких, и в первую очередь — о своем замужестве. Таким образом, березка связывалась с идеей семьи

и продолжения рода, что отражается также в песенном фольклоре. По словам В. Б. Колосовой, «побеги дерева сопоставляются с детьми, а само дерево — с родителями [Колосова 2015; см. также: Агапкина 2019, 492], в чем можно видеть непосредственную связь с фразеологией (ср. ФЕ: *какова березка, таковы и отростки*).

В литовском языке, как отмечалось выше, слово *beržas* ‘береза’ мужского рода, и в культурной традиции это «мужское» дерево, символизирующее молодого парня. Если в русской фольклорной традиции символическое обозначение невесты и жениха, женского и мужского начала — *береза* и *дуб* ([Агапкина 2019, 506, 507]) или *клен* [Там же, 169]), то в литовской это *beržas* ‘береза’ и *liepa* ‘липа’. Береза, наряду с вербой, широко использовалась в литовских обрядах весенне-летнего цикла, считаясь воплощением жизненных сил, роста, плодородия [Dundulienė 2008, 55]. В конце июня парни и девушки в лесу связывали два молодых деревца (березки или липы) и с песнями, целуясь, проходили парами под этими «воротами» (Там же, 60), что напоминает троицкие обряды кумовства в русском фольклоре [Агапкина 2002, 611]. «Участие» дерева, символизирующего разную половую отнесенность в двух культурах, в ритуалах, связанных с вегетативной силой природы, отражает близость этнических традиций.

2.2. И в русской, и в литовской фразеологии отражена связь *березы* со смертью, похоронной обрядностью и с древними представлениями о мире мертвых. По восточнославянским поверьям, в ветки березы вселялись души умерших родственников, ср. выражение *в березки собирается* (Калужская обл.) [СД 1, 157]. В похоронных обрядах березовыми ветками выстилали могилы, березы сажали на кладбищах [СД 1, 159], украшали могилы троицкими березками [Агапкина 2002, 307]. В литовской традиции также использовалась береза в похоронных обрядах.

В монографии, посвященным деревьям, Т. А. Агапкина, со ссылкой на С.М. Толстую, приводит фразеологические выражения (глагол движение + сущ., обозначающее лес или дерево), отражающие «архаические представления о растительном мире как локусе мертвых»: рус. диал. *собираться (лечь, уехать, положить) под березки (под сосёнки)*, псков. *лечь под березки (сосенки)*, перм. *в березки уехать, уйти под зеленую березку*, перм. *в лес идти (уйти)*, новгород. *уйти под елку, угодить под елку ‘умереть’* и др. [Агапкина 2019, 557]. Анализируя ФЕ такого рода в русской лингвокультуре, указывалось на соотнесение их с символическим обозначением родины в современном сознании, тогда как при анализе сходных лит. ФЕ обращалось внимание на глаголы движения в них. По-видимому, можно утверждать, что в литовской фразеологии представления о локусе мертвых живее, чем в русской.

В обеих этнокультурах *береза* может быть связана с нечистой силой, чертом: «В некоторых восточнославянских быличках Б. выступает как атрибут нечистой силы (напр., ведьмы летали по ночам на березовых палках, надаивали молоко с Б.; белые кони, подаренные человеку чертом, превращались в кривые березы, а хлеб — в березовую кору)» [СД 1, 157]. Н. Велюс, исследуя хтонические образы в литовской традиционной культуре, отмечает, что в мифологических сказаниях в этих местах чаще всего показывается черт [Vėlius 1987, 53]. Позванный к черту человек может почувствовать себя сидящим на березе, деньги, полученные от черта, превращаются в бересту, конфеты — в березовые сережки, полученный от черта конь — в березовый ствол, рубашка — в березовую кору [Vėlius 1983, 120]. Связь с хтоническим миром отчетливо видна в лит. ФЕ, где упоминается локус обитания — болото, край дороги.

2.3. Особую роль в (восточно)славянском мире играли березовые прутья как оберег против нечистой силы, болезней, покойников и т.д. [СД 1, 158–159]. Известно, что «в дохристианской славянской культуре битье являлось неотъемлемым компонентом целого ряда ритуальных магических действий», имея преимущественно продуцирующую и отгонную функцию, общий смысл же заключался «в передаче земле, скоту, молодоженам, детям растительной силы» [Подгорбунских 2000]. В литовской этнокультуре порка розгами также имела ритуальное значение [Dundulienė 2008, 36]. Примечательно, что в литовских ФЕ, связанных с поркой (см. выше), упоминаются, помимо *каши*, также *мед* и *жир* — это продукты, относящиеся к ритуальным. Можно делать вывод, что во фрагменте литовской фразеологии, говорящей о порке березовыми розгами, зафиксировались более архаичные представления об их охранительной силе. Здесь, как и в приведенных выше аспектах, можно видеть определенное сходство двух этнокультурных традиций, так или иначе отразившихся во фразеологии.

Фразеологический материал подкрепляет выводы ученых, сделанные на обширном этнографическом, фольклорном материале, о характерных чертах этнической культуры русских и литовцев, показывая их несомненную близость и вместе с тем большую связь с архаичными представлениями в литовской фразеологии.

3. Выводы

Лингвокультурологический и этнолингвистический анализ фразеологии представляют собой два разных направления исследования: первый отражает современную языковую картину мира носителей языка, второй способствует реконструкции древних этнических представлений. В русской лингвокультуре *береза* наделяется в основном положительными чертами

и несет в себе лингвокультурные смыслы — родина, девичество, молодость, чистота, красота, преданность и т.д., в литовской лингвокультуре *beržas* является символом молодого парня, ассоциируется с родиной-Литвой, но ФЕ с данным компонентом чаще, чем в русской лингвокультуре, обладают пейоративной оценочностью, проецируя такие смыслы, как болезнь, нездоровье, бедность и т. д. На этнолингвистическом уровне выявляется сходство двух культур, проявляющееся в связи дерева с идеей витальности, продолжения рода, оберега, а также с потусторонними силами, с миром мертвых, выявляя при этом связь литовских ФЕ с более архаичными представлениями.

Источники

МНП – МОКИЕНКО, В. М., НИКИТИНА, Т. Г., 2007. *Большой словарь русских поговорок*. Москва: ОЛМА Медиа Групп.

МНС – МОКИЕНКО, В. М., НИКИТИНА, Т. Г., 2008. *Большой словарь русских народных сравнений*. Москва: ОлмаМедиаГрупп.

НКРЯ – *Национальный корпус русского языка*. <https://ruscorpora.ru/new/>

СРЯД – ДАЛЬ, В. И. 1880–1882. *Толковый словарь живого великорусского языка*. В 4-х тт. СПб.

FŽ – ERMANYTĖ, I., KAŽUKAUSKAITĖ, O., NAKTINIENĖ, G., PAULAUŠKAS, J. (red.), ŠIMĖNAITĖ, Z., VILUTYTĖ, A., 2001. *Frazeologijos žodynas*. Vilnius: Lietuvių kalbos institutas.

LKT – *Lietuvių kalbos tekstynas*. <http://tekstynas.vdu.lt/tekstynas/simple.search>

LKŽ – *Lietuvių kalbos žodynas*. URL: <http://www.lkz.lt/>

LPP – GRIGAS, K., 2000. *Lietuvių patarlės ir priežodžiai*. Vilnius: Lietuvių literatūros ir tautosakos institutas.

PŽ – VOSYLYTĖ, K., 2014. *Palyginimų žodynas*. Vilnius: Lietuvių kalbos institutas.

Литература

АГАПКИНА, Т. А., 2002. *Мифопоэтические основы славянского народного календаря. Весенне-летний цикл*. Москва: Индрик.

АГАПКИНА, Т. А., 2019. *Деревья в славянской народной традиции: Очерки*. М.: Индрик.

БАРАНОВ, А. Н., ДОБРОВОЛЬСКИЙ, Д. О., 2008. *Аспекты теории фразеологии*. Москва: Знак.

БЫКОВА, О. И., 2002. Этноконнотированные “ключевые слова столетия” как отражение специфики немецкого национального сознания, *Язык и национальное сознание*. Вып.3. Воронеж: Истоки, 26–32.

ВОРКАЧЕВ, С. Г., 2014. Семиотика лингвокультурного концепта и терминотерминология лингвокультурной концептологии, *Язык, коммуникация и социальная среда*, № 12. Воронеж, 50–69.

ВОРОБЬЕВ, В. В., 2008. *Лингвокультурология*. Москва: РУДН.

ВОРОБЬЕВА, Л. Б., 2009. К вопросу о национальной специфике фразеологического образа, *Вестник НовГУ*, № 54. 21–23. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-natsionalnoy-spetsifike-frazeologicheskogo-obraza> (25.12.2021).

КАРАСИК, В. И., 2001. О категориях лингвокультурологии. In *Языковая личность: проблемы коммуникативной деятельности*. Волгоград: Перемена, 3–16.

КОВШОВА, М. Л., 2016. Культурно-национальная специфика фразеологизмов и вопросы экспликации их культурных смыслов, *Вопросы психолингвистики*, №4 (30). 90–102. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kulturno-natsionalnaya-spetsifika-frazeologizmov-i-voprosy-eksplikatsii-ih-kulturnyh-smyslov> (28.12.2021).

КОЛОСОВА, В. Б., 2015. Береза в славянской духовной культуре и быту. In КА-ЗАНСКИЙ, Н. Н., ЯРМИШКО, В. Т. (ред.). *Береза*. Сб. статей. СПб.: Наука, 33–82.

КРАСНЫХ, В. В., 2002. *Этнопсихолингвистика и лингвокультурология*: Курс лекций. Москва.

КХОНГ ТХУ ХИЕН, 2019. *Русские и вьетнамские фразеологизмы с названиями растений в лингвокультурологическом аспекте*. Диссертация... кандидата филол. наук. Воронеж.

ЛСР – *Лингвострановедческий словарь Россия*. URL: <https://ls.pushkininstitute.ru/lsslovar/index.php?title=%D0%91%D0%B5%D1%80%D1%91%D0%B7%D0%B0/C1-C2>

МАСЛОВА, В. А., 2001. *Лингвокультурология*. Уч. пособие. Москва: Академия.

ПОДГОРБУНСКИХ, Н. А., 2000. Культ рода как мифологическая основа телесных наказаний, *Фольклор Урала*. Вып. 11: *Устная и рукописная традиции*. Свердловск: Урал. гос. ун-т, 156–173.

СЕРГЕЕВА, О. В., 2012. Концепт «Берёза» в русской языковой картине мира, *Вестник ОмГУ*, № 2 (64). 442–445. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontsept-beryoza-v-russkoy-yazykovoy-kartine-mira> (19.01.2022).

Славянские древности. Этнолингвистический словарь Под общ. ред. Н. И. ТОЛСТОГО. Т. 1. Москва: Международные отношения.

СЯРКИНА, А. А., 2013. Пространственная характеристика русскоязычной и англоязычной культур на основе геометрических концептов, *Вестник СамГУ*, № 2 (103). 129–132. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prostranstvennaya-harakteristika-russkoyazychnoy-i-angloyazychnoy-kultur-na-osnove-geometricheskih-kontseptov> (24.12.2021).

ТЕЛИЯ, В. Н., 1996. *Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты*. Москва: Языки русской культуры.

ТЕЛИЯ, В. Н., 1999. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры. In ТЕЛИЯ, В. Н. (отв. ред.). *Фразеология в контексте культуры*. Москва: Языки русской культуры, 13–24.

ТОЛСТАЯ, С. М. *Этнолингвистика: современное состояние и перспективы* <http://www.ruthenia.ru/folklore/Tolstaja.html> (12.11.2021).

ТОЛСТАЯ, С. М., 2013. Постулаты московской этнолингвистики. In *Славянская этнолингвистика: вопросы теории*. Москва: Институт славяноведения РАН, 67–82.

ТОЛСТОЙ, Н. И., 2013. Этнолингвистика в кругу гуманитарных дисциплин. In *Славянская этнолингвистика: вопросы теории*. Москва: Институт славяноведения РАН, 19–31.

BŪDVYTYTĖ-GUDIENĖ, A., TOLEIKIENĖ, R., 2011. Medžio ir žmogaus sąveikos aksiologija vokiečių ir lietuvių kalbose, *Acta humanitarica universitatis Saulensis*, 13. 417–429.

DUNDULIENĖ, P., 2008. *Medžiai senovės lietuvių tikėjimuose*. Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidybos institutas.

VĖLIUS, N., 1977. *Mitinės lietuvių sakmių būtybės*. Vilnius: Vaga.

VĖLIUS, N., 1983. *Senovės baltų pasaulėžiūra*. Vilnius: Vaga.

VĖLIUS, N., 1987. *Chtoniškasis lietuvių mitologijos pasaulis*. Vilnius: Vaga.

Bibliography (Transliteration)

AGAPKINA, T. A., 2002. *Mifopojeticheskie osnovy slavjanskogo narodnogo kalendarja. Vesenne-letnij cikl*. Moskva: Indrik.

AGAPKINA, T. A., 2019. *Derev'ja v slavjanskoj narodnoj tradicii: Očerki*. M.: Indrik.

BYKOVA, O. I., 2002. Jetnokonnottirovannye “ključevye slova stoletija” kak otrazhenie specifiki nemeckogo nacional'nogo soznanija, *Jazyk i nacional'noe soznanie*. Vyp.3. Voronezh: Istoki, 26–32.

BŪDVYTYTĖ-GUDIENĖ, A., TOLEIKIENĖ, R., 2011. Medžio ir žmogaus sąveikos aksiologija vokiečių ir lietuvių kalbose, *Acta humanitarica universitatis Saulensis*, 13. 417–429.

DUNDULIENĖ, P., 2008. *Medžiai senovės lietuvių tikėjimuose*. Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidybos institutas.

KARASIK, V. I., 2001. O kategorijah lingvokul'turologii. In *Jazykovaja lichnost': problemy kommunikativnoj dejatel'nosti*. Volgograd: Peremena, 3–16.

KHONG THU HIEN, 2019. *Russkie i v'etnamskie frazeologizmy s nazvanijami rastenij v lingvokul'turologicheskom aspekte*. Dissertacija... kandidata filol. nauk. Voronezh.

KOLOSOVA, V. B., 2015. Bereza v slavjanskoj duhovnoj kul'ture i buty. In KAZANSKIJ, N. N., JARMISHKO, V. T. (red.). *Bereza*. Sb. statej. SPb.: Nauka, 33–82.

KOVŠOVA, M. L., 2016. Kul'turno-nacional'naja specifika frazeologizmov i voprosy jeksplikacii ih kul'turnyh smyslov, *Voprosy psicholingvistiki*, №4 (30). 90–102. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kulturno-natsionalnaya-spetsifika-frazeologizmov-i-voprosy-eksplikatsii-ih-kulturnyh-smyslov> (28.12.2021).

KRASNYH, V. V., 2002. *Jetnopsicholingvistika i lingvokul'turologija: Kurs lekcij*. Moskva.

LSR – *Lingvostranovedcheskij slovar' Rossija*. URL: <https://ls.pushkininstitute.ru/lsslovar/index.php?title=%D0%91%D0%B5%D1%80%D1%91%D0%B7%D0%B0/C1-C2> (20.12.2021).

MASLOVA, V. A., 2001. *Lingvokul'turologija*. Uch. posobie. Moskva: Akademija.

PODGORBUNSKIĖ, N. A., 2000. Kul't roda kak mifologičeskaja osnova telesnyh nakazanij, *Fol'klor Urala*. Vyp. 11: Ustnaja i rukopisnaja tradicii. Sverdlovsk: Ural. gos. un-t, 156–173.

SERGEeva, O. V., 2012. Koncept «Berjoza» v russkoj jazykovoj kartine mira, *Vestnik OmGU*, № 2 (64). 442–445. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontsept-beryoza-v-russkoj-yazykovoy-kartine-mira> (19.12.2021).

SJARKINA, A. A., 2013. Prostranstvennaja harakteristika russkojazyčnoj i anglojazyčnoj kul'tur na osnove geometričeskikh konceptov, *Vestnik SamGU*, № 2 (103). 129–132. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prostranstvennaya-harakteristika-russkojazyčnoj-i-anglojazyčnoj-kultur-na-osnove-geometričeskikh-kontseptov> (24.12.2021).

Slavjanskije drevnosti. Jetnolingvističeskij slovar' Pod obshh. red. N. I. TOLSTOGO. T. 1. Moskva: Mezhdunarodnye otnoshenija.

TELIJA, V. N., 1996. *Russkaja frazeologija. Semantičeskij, pragmatičeskij i lingvokul'turoloģičeskij aspekt*. Moskva: Jazyki russkoj kul'tury.

TELIJA, V. N., 1999. Pervoočerednye zadachi i metodoloģičeskie problemy issledovanija frazeoloģičeskogo sostava jazyka v kontekste kul'tury. In TELIJA, V. N. (otv. red.). *Frazeologija v kontekste kul'tury*. Moskva: Jazyki russkoj kul'tury, 13–24.

TOLSTAJA, S. M. *Jetnolingvistika: sovremennoe sostojanie i perspektivy* <http://www.ruthenia.ru/folklore/Tolstaja.html> (10.11.2021)

TOLSTAJA, S. M., 2013. Postulaty moskovskoj jetnolingvistiki. In *Slavjanskaja jetnolingvistika: voprosy teorii*. Moskva: Institut slavjanovedenija RAN, 67–82.

TOLSTOJ, N. I., 2013. Jetnolingvistika v krugu gumanitarnyh disciplin. In *Slavjanskaja jetnolingvistika: voprosy teorii*. Moskva: Institut slavjanovedenija RAN, 333–340.

VĖLIUS, N., 1977. *Mitinės lietuvių sakmių būtybės*. Vilnius: Vaga.

VĖLIUS, N., 1983. *Senovės baltų pasaulėžiūra*. Vilnius: Vaga.

VĖLIUS, N., 1987. *Chtoniškasis lietuvių mitologijos pasaulis*. Vilnius: Vaga.

VORKACHEV, S. G., 2014. Semiotika lingvokul'turnogo koncepta i terminosistema lingvokul'turnoj konceptoloģii, *Jazyk, komunikacija i social'naja sreda*, № 12. Voronezh, 50–69.

VOROB'EV, V. V., 2008. *Lingvokul'turoloģija*. Moskva: RUDN.

VOROB'EVA, L. B., 2009. K voprosu o nacional'noj specifike frazeoloģičeskogo obraza, *Vestnik NovGU*, № 54. 21–23. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-natsionalnoy-spetsifike-frazeoloģičeskogo-obraza> (25.12.2021).

Елена Коницкая, доктор гуманитарных наук, доцент кафедры русской филологии Вильнюсского университета.

Jelena Konickaja, PhD (Humanities), Assoc. prof. of the Russian Department, Vilnius University.

Jelena Konickaja, humanitarinių mokslų daktarė, Vilniaus universiteto Rusų filologijos katedros docentė.